

На обратном пути от переправы Гуачжоу Е Сяои улучил минуту и выменял у персидского торговца кремневый мушкет. Теперь юноша вовсю испытывал его убойную силу.

Результаты, увы, оказались крайне удручающими. Мало того что это контрабандное оружие то и дело давало осечки у самого дула, угрожая безопасности стрелка, так оно ещё и грохотало на всю округу, мгновенно выдавая местоположение. Дальность же стрельбы и вовсе курам на смех — едва ли достигала десяти метров.

Эта заморская игрушка не шла ни в какое сравнение с обычным луком. Неудивительно, что за неё просили всего несколько лянов серебра.

Когда Е Сяои только услышал о существовании подобной диковинки, он был заинтригован. Но на деле мушкет оказался бесполезной безделушкой, пригодной разве что для ближнего боя и уступающей даже копьё или мечу. Стоило пороху и свинцу закончиться, как оружие превращалось в обычную тяжелую дубину.

Традиционное лучное искусство в эту эпоху было куда совершеннее. Легендарное умение сбивать орлов в облаках и пронзать ивовый лист со ста шагов отнюдь не было преувеличением: боевой лук бил на добрых две сотни метров. Он идеально подходил для осад, дальнего боя, засад и охоты.

Для здешних мастеров меткий выстрел был делом привычным, а лук — естественным продолжением руки. Но для Е Сяои, не обученного ратному делу, даже средний лук казался неподъёмным, а лёгкий он не мог натянуть и вполовину. Поразмыслив, он решил, что для самообороны лучше приберечь пару компактных пистолей.

Мо Юэ, притаившийся на крыше, с умилением и досадой наблюдал за этими ребяческими забавами своего ученика. Ему нетерпимо хотелось спуститься и хорошенько всыпать паршивцу.

«Стоило мне отвернуться, как ты уже взялся за старое? И кто только обещал учителю прилежно грызть гранит науки?»

В стойле чистокровный ахалтекинец Сяо И, будто почуяв дыхание хозяина, радостно заржал, созывая сородичей.

Мо Юэ мысленно выругался. Опасаясь выдать себя, он бесшумно соскользнул с крыши прямо в манеж, чтобы успокоить вороного скакуна.

Поглаживая мягкую гриву, он негромко заговорил:

— Не то чтобы я не хотел взять тебя с собой, но путь в Западные земли далёк и суров. Дорога изнурит даже бывалых коней, а ты ещё слишком молод. Поживи пока дома, набирайся сил, а я привезу тебе лакомств, когда вернусь. И присматривай за Сяо И, договорились?

Трёхлетний жеребец ласково ткнулся мордой в плечо Мо Юэ, но уже в следующее мгновение демонстративно отвернулся к кормушке с дорогим сеном. Подставив хозяину круп, конь всем своим видом показывал крайнее недовольство.

Мо Юэ со смехом шлёпнул строптивую скотину по задку. Каков хозяин, таков и конь: пообщавшись с Е Сяои, этот скакун тоже обзавёлся характером.

Мо Юэ снова перевёл взгляд на ученика. Е Сяои, взмыленный после неуклюжих упражнений с оружием, как раз отправился мыться.

В застланной паром мыльне юноша черпал воду из кадки. Желая сэкономить дрова и время, он не стал наливать полную лохань, а просто развёл таз горячей воды, чтобы ополоснуться на скорую руку — всё равно вечером предстояло мыться основательно.

Приоткрыв оконную створку, Мо Юэ никак не ожидал застать подобную картину.

Он замер, не в силах отвести глаз. В его сознании обычно теснились утончённые образы — узоры на снегу, багрянец кленовых листьев, ускользающая красота бренного мира. Но зрелище, открывшееся ему сейчас, заставило кровь прилить к лицу, точно его бросили на раскалённую печь. Тело напряглось, а в душе шевельнулось непреодолимое желание сделать что-то... совершенно непозволительное со своим учеником.

Этот мальчишка расцветал слишком быстро и опасно.

В темных глазах Мо Юэ вспыхнули жаркие искры. Он так и простоял у окна, не пропустив ни единого мгновения.

Лишь когда Е Сяои закончил мыть ноги и потянулся за чистыми одеждами, Мо Юэ наконец пересилил себя. Он оседлал коня и устремился на запад, навстречу суровым ветрам окраин.

Дорога стелилась под копыта, но мысли его были далеко. Он знал, что должен вернуться как можно скорее.

Оставлять этого мальчишку одного в Янчжоу было чистым безумием. Всё равно что бросить упитанного ягнёнка без присмотра посреди шумного рынка — непременно утащат. Нужно покончить с делами без промедления!

Как только Мо Юэ уехал, Е Сяои решил подыскать себе другое жильё.

— Сад Е слишком бросается в глаза, — обратился он к Сяо Цяню. — Я хочу перебраться в более тихое, уединённое место, поближе к учёным кругам, чтобы спокойно готовиться к экзаменам. Что посоветуешь?

Сяо Цянь, этот тёртый калач и признанный делец, насмешливо вскинул бровь:

— Что такое? Решил поумерить пыл и не хвастать богатством? А я-то считал тебя парнем не из робкого десятка.

Е Сяои и бровью не повёл:

— Смелость хороша к месту. Я собираюсь делать карьеру на государевой службе, и мне вовсе ни к чему клеймо алчного торговца. Так что давай к делу — помоги найти подходящий дом.

— Вообще-то Мо Юэ уже просил меня об этом перед отъездом, — усмехнулся Сяо Цянь. — Надо же, как он о тебе печётся. Признайся, как тебе удалось привязать к себе столь незаурядного человека?

Сяо Цяня давно так и подмывало разузнать, кто такой этот Мо Юэ, а уж их странные отношения и вовсе не давали ему покоя. Не то господин и слуга, не то близкие друзья — наблюдать за ними было сплошным удовольствием.

Однако Е Сяои не собирался удовлетворять его любопытство.

Полгода назад в Янчжоу распродавали имущество и челядь опальных чиновников — сотни статных мужчин и красивых женщин ушли с молотка. Кто теперь упомнит, кто кого купил? К тому же досужая толпа зевак редко утруждала себя запоминанием лиц. Стоило этим невольникам умыться да переодеться в добротное платье, как они становились неузнаваемыми. Мо Юэ уже столько времени безбоязненно расхаживал по улицам Янчжоу, и никто ни разу не признал в нём государственного раба, проданного у дверей управы.

Лишние неприятности Е Сяои были ни к чему, поэтому он предпочёл промолчать.

Сяо Цянь, будучи лисом хитрым, сразу понял, что наткнулся на ещё более искусного противника. Разузнать подноготную Мо Юэ не удастся.

Тогда он непринуждённо сменил тему:

— В северной части города Янчжоу селятся в основном добропорядочные мужи науки. Места там живописные, тихие, да и Тонкое Западное озеро совсем близко. Тот чудак Е Фантянь как раз обосновался в тех краях. Если станешь его соседом, он от радости на седьмое небо взлетит.

Е Сяои искренне удивился:

— Этот транжира? Он ведь обожает роскошь и шумное веселье. С чего вдруг его потянуло в обитель скромных книжников?

Сяо Цянь коротко рассмеялся:

— Сам виноват. Он отстроил свой Сад Е с таким немислимым размахом, что отец устроил ему грандиозный нагоняй и урезал содержание. Пришлось бедолаге продать поместье, хотя он и подумать не мог, что оно достанется тебе. К тому же Е Фантянь намерен участвовать в осенних экзаменах. Праздная и распутная жизнь накануне испытаний могла бы дурно сказаться на его репутации в глазах экзаменаторов. Вот он и уступил воле родителя — перебрался в тихий квартал, чтобы пустить пыль в глаза. Если ты скрасишь его одиночество, он будет просто счастлив.

Сяо Цянь не только настоятельно советовал Е Сяои поселиться рядом с Е Фантянем, но и пообещал лично уладить все вопросы с продажей его усадьбы у Тонкого Западного озера. Поскольку это вполне устраивало Е Сяои, он отказываться не стал. Ему и самому следовало примерить на себя маску благочестивого книжника, а завести знакомства среди местной интеллигенции было бы весьма кстати.

Однако, переехав в Персиковый сад на севере города, Е Сяои узнал, что это поместье досталось ему в подарок от богача Е Фантяня.

Выходит, Сяо Цянь попросту присвоил деньги за обмен усадеб?

Е Сяои прищурился. Прекрасно! Неужели этот старый лис возомнил, что раз я молод, то меня можно обвести вокруг пальца? Решил, раз Мо Юэ уехал, то я и счёт деньгам потерял?

Что же, придётся заставить этого почтенного негодяя уважать своего юного компаньона.

Е Сяои намеренно игнорировал Сяо Цяня до тех пор, пока тот, не выдержав неопределённости, сам не явился узнать, готово ли новое вино и когда его можно будет выставить на продажу.

Тогда Е Сяои с мягкой, невинной улыбкой проговорил:

— Ах, брат Цянь... Видишь ли, я ещё не решил, кому именно достанутся права на поставку этого вина — тебе или другому заведению.

Сяо Цянь опешил от подобной дерзости:

— Как это — не решил? Разве мы не ударили по рукам?

— Мы ведь не скрепляли договор печатями, — беспечно пожал плечами Е Сяои. — Изначально я требовал восемьдесят процентов прибыли себе и лишь двадцать тебе — и это было моим пределом. Я уступил тебе сорок на шестьдесят только потому, что ты обещал талоны соляного мандата без ограничений. А теперь выясняется... — Он выдержал паузу, лукаво глядя на собеседника. — Ты ухитрился вернуть свои деньги, обманув меня при обмене усадеб. Получается, никакой выгоды я так и не увидел.

Сяо Цянь густо покраснел. Он никак не ожидал, что мальчишка раскусит его маневр.

В торговом деле все радели за мирные сделки, но ушлые купцы всегда стремились вернуть своё. Если приходилось уступать в цене, они непременно восполняли убытки в другом месте — подмешивали дешёвое сырьё, завышали цены на сопутствующие товары или просто обсчитывали.

Попасться на такой уловке было крайне неловко.

«Просчитался... Не стоило и связываться с этим дельцом», — сокрушался про себя Сяо Цянь.

Он уже объявил в Ланьлине, что эксклюзивное вино «Алое и изумрудное» появится на прилавках в течение месяца. И надо же было этому несносному мальчишке пойти на попятную именно сейчас!

Старый лис наконец осознал, что перед ним не просто смышлённый ребёнок, а опасный игрок со своими скрытыми приёмами.

Е Сяои лишь снисходительно улыбался. У каждого торговца свои уловки, но у него их было на порядок больше. Его схемы могли перевернуть весь рынок Янчжоу, и к тому времени, как конкуренты поймут правила игры, он уже заберёт куш и выйдет сухим из воды. Куда здешним купцам тягаться с бывшим Принцем Е?

Сяо Цянь поспешил загладить вину, стараясь при этом сохранить лицо:

— Сяо И, у тебя свои требования, но и у меня есть правила. Доля три к семи — это нерушимый закон Ланьлина. Если я сделаю исключение для тебя, другие тоже начнут торговаться, и я пущу по миру всё дело.

Е Сяои молча скрестил руки на груди, ожидая продолжения.

Как и следовало ожидать, Сяо Цянь сокрушённо вздохнул:

— Поступим так: если тебе приглянулось что-то ещё, я готов компенсировать разницу другими активами. Могу выделить тебе пару отличных усадеб за городом.

— Идёт, — улыбнулся Е Сяои. Вот и славно. Стоило ли упряமиться с самого начала?

В качестве компенсации Сяо Цянь отписал Е Сяои две загородные усадьбы с пахотными землями в окрестностях Янчжоу и приставил к нему опытного управляющего Лу Шана, которого бережно взрастили в доме Сяо.

Янчжоу кишел богачами, и свободные плодородные угодья за городской чертой ценились на вес золота. Без протекции Сяо Цяня приезжий юноша вроде Е Сяои не смог бы приобрести такую землю даже за грудку серебра.

Знатные и состоятельные семьи всегда стремились обзавестись собственными усадьбами. Никто не покупал провизию на рынке изо дня в день — куда выгоднее было выращивать всё на своей земле. Это существенно сокращало расходы на содержание огромного дома, позволяя тратить нажитое на роскошь и развлечения.

Собственная усадьба давала главное — уверенность в завтрашнем дне. Даже если дела пойдут прахом и торговля перестанет приносить доход, земля всегда прокормит семью, избавив от нищеты и голодной смерти.

Е Сяои изначально планировал оставить одну усадьбу бабушке Е в качестве надёжного убежища на старость, а вторую приберечь как приданое для младшей сестры, Е Сяомэй. Сам он вёл опасную игру на торговом поприще, и в случае непредвиденного краха его близкие не должны были пострадать.

Имея в распоряжении пахотные земли и надёжного человека для присмотра за хозяйством, Е Сяои наконец обрёл душевный покой. Теперь ему не нужно было заботиться о пропитании на годы вперёд, и он мог целиком посвятить себя учебе.

Часто люди годами топчутся на одном месте вовсе не из-за отсутствия таланта или трудолюбия. Им просто не хватает времени, чтобы сосредоточиться на главном.

Шанс отбросить суету и погрузиться в любимое дело — величайшее счастье. Но у большинства нет возможности оставить работу на годы ради своей мечты, а те, кто располагает свободным временем, часто вязнут в бесконечных бытовых хлопотах, из года в год повторяя один и тот же

сценарий.

Теперь же о быте Е Сяои заботились слуги: готовили, стирали и прибирали дом. Финансовые вопросы были решены, а безбедное будущее обеспечено. Пора было браться за дело всерьёз и ускорить подготовку к экзаменам.

Перед отъездом Мо Юэ успел подробно разобрать с ним все каноны. Хотя «Книга песен и преданий» давалась с трудом, в ней было всего пятьдесят восемь глав. Заучивая по одной главе в день, Е Сяои за два месяца упорства наконец одолел этот монументальный труд.

Едва закрыв последнюю страницу, он первым делом хотел воскликнуть:

«Мо Юэ, я наконец-то всё вызубрил!»

Но ликование быстро сменилось лёгкой грустью. Мо Юэ уже уплыл. Посреди бескрайнего моря даже письма отправить было некуда.

— Хм, а ведь я действительно немного скучаю по нему... — пробормотал Е Сяои. — Интересно, как он там, на корабле?

Справится ли изнеженный молодой господин с качкой? С его-то болезненной чистоплотностью — каково ему без пресной воды для купания?

Е Сяои невольно прыснул от смеха. Он так и видел, как Мо Юэ, скрипя зубами на палубе, мысленно костит своего несносного «хозяина» за нечеловеческие условия работы...

Эти мысли не оставляли его весь день, и в полуденный час Е Сяои привиделся странный сон.

Ему снилось, будто Мо Юэ, опалённый солнцем и иссушенный морскими ветрами за два года странствий, вернулся домой совершенно чёрным, точно уголёк, и лишь белоснежные зубы сверкали на его лице. И стоял он у ворот усадьбы — точь-в-точь как любимый вороной ахалтекинец Сяо И...

<http://bllate.org/book/18182/1758903>